

УДК 929

**ВИТОЛЬД ЗГЛЕНИЦКИЙ:
ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ДЕЯТЕЛЬ, УЧЕНЫЙ
И БЛАГОТВОРИТЕЛЬ**

Ходубски Анджей Ян

Профессор политических наук,
Институт политологии
Университета г. Гданьска,
Польша, г. Гданьск,
e-mail: tbodio@wp.pl

В статье реконструируется научная биография горного инженера польского происхождения В. Згленицкого. Выпускник польских и российских вузов, он внес большой вклад в разработку нефтяных месторождений Баку. Часть своего имущества и доходов завещал на учреждение премии для поддержки научных исследований в Польше и Российской империи. Революции 1917 г. не позволили реализовываться этим планам.

Ключевые слова: Витольд Згленицкий, поляки в России, нефтепромыслы в Баку, благотворительность, наследство, техническая интеллигенция, горный инженер, премия для ученых.

**WITOLD ZGLENICKI:
PUBLIC MAN
SCIENTIST
AND BENEFACTOR**

Chodubski Andrzej Yang

Professor of Political Sciences,
Political Science Institute,
University of Gdansk,
Gdansk, Poland,
e-mail: tbodio@wp.pl

In the article the scientific biography of a mining engineer of Polish origin V. Zglenitski is reconstructed. He, being a graduate of Polish and Russian universities, made a great contribution to the development of the oil fields in Baku. He devised a part of his property and income to the premium institution to support scientific research in Poland and the Russian Empire. The revolution of 1917 did not allow to implement these plans.

Keywords: Witold Zglenitski, Poles in Russia, oil fields in Baku, charity, legacy technical intellectuals, a mining engineer, prize for scientists.

Роль поляков в истории и культуре Российской империи и её городов, несмотря на несомненные достижения в её исследовании, заслуживает большего внимания. В последние годы усиление интереса к проблеме социальной ответственности бизнеса в развитии культуры,

науки и образования [1], меценатству на Юге России и Кавказе [2]. В связи с этим актуальным представляется обращение в данной статье к фигуре Витольда Згленицкого, судьба и деятельность которого неотделима от истории Польши, Азербайджана и России.

Научное общество города Плоцк и «Примечания из города Плоцк» записали славные карты деятельности в области сохранения памяти, прежде всего сбора материалов, касающихся профессиональной и культурно-цивилизационной деятельности геолога и горного инженера Витольда Згленицкого (1850–1904), заслуженного жителя Мазовша и города Плоцк.

3 июля 1904 г. в Баку было составлено завещание инженера. Его восьмой пункт звучал: «Если после исполнения всех вышеупомянутых задач будет оставаться свободная сумма денег, надо передать её Кассе Мянковского в Варшаве для создания неприкосновенного капитала, при условии, что за проценты от этого капитала будут признаваться премии, по усмотрению совета Кассы, для лучших работ, посвященных европейской литературе, искусству и науке, вроде Нобелевских премий» [3]. Данный документ, как почти все документы данного типа, породил недовольство и неудовлетворенность многих людей, особенно в непосредственной семье, а также в учреждениях, которым передана часть наследия. Среди них была Касса имени Юзефа Мянковского, ныне Польская академия наук в Варшаве. Тем не менее реализация завещания принесла ей большую сумму денег. С 1908 до 1915 г. она получила 1 400 000 руб., что эквивалентно около 700 тыс. золотых долл. [4]. Это учреждение стало подлинным спонсором потребностей развития науки: не смогла воспользоваться суммами денег, которые имела в своем распоряжении. Следует отметить, что это был единственный в истории польской науки период, когда денег было больше, чем финансовых потребностей для ее развития. Фрагмент завещания, который относится к учреждению и присуждению с 1901 г. премии, похожей на Нобелевскую, и, прежде всего, массовый интерес, который он возбудил, принесли польскому донору звание «польского Нобеля». Мы также должны отметить, что он оставался в довольно тесных контактах с семьей Нобель в Баку.

Кем являлся этот донор? Он происходил из дворянской семьи из Мазовша. Родился 6 января 1850 г. в Старой Варгаве, в имении своих родителей Вероники (девичья фамилия Залуска) и Константего Згленицких [5, 6]. У него были два брата: Антони (сводный брат) и Панкрацы Болеслав. Учился с 1858 по 1866 г. в наиболее известной школе Мазовша, губернаторской гимназии города Плоцк, которая существо-

вала с 1180 г. Он был одним из самых выдающихся учеников в школе. С 1866 по 1870 г. он учился на факультете математики и естественных наук Главной варшавской школы (Варшавский университет) [7]. Там также учился его брат Болеслав Панкрацы. После окончания школы, в условиях усиливающейся русификации, которая являлась результатом январского восстания, и вытекающих отсюда трудностей в поисках подходящей работы, а также следуя моде этого времени, он решил продолжать учиться за рубежом. Следуя тенденции к изучению естественных и технических наук, он сделал выбор в пользу дальнейшего обучения в Горном институте Санкт-Петербурга, который пользовался хорошей репутацией в мире. В нем преподавали многочисленные представители стран Западной Европы, особенно немцы. В институте он учился с 1870 по 1875 г. [8, с. 64–67; 9]. Он отличился честолюбием и любознательностью в решении образовательных задач; на него обратил внимание Дмитрий Менделеев, известный профессор в академии, который предложил ему работу в своей лаборатории. В возрасте 25 лет, как горный инженер, он вошел по собственному желанию в горное управление города Сухеднюв в тогдашней провинции Кельце. В своей работе он показал большие таланты: после короткого периода работы был назначен секретарем коллектива, а затем через несколько месяцев стал руководителем металлургического завода в городе Мрочкув на реке Каменна.

Проявляя позитивистский энтузиазм, Витольд Згленицкий начал работу по модернизации завода и в то же время стал изучать возникновение подземных ресурсов, особенно железной руды и нефтяных месторождений в Старопольском регионе. Результаты поиска были опубликованы. В 1880 г. вышла в свет брошюра, посвященная месторождениям нефти в царстве Польском [10, с. 25–30]. Некоторые люди встретили исследование с завистью, что стало причиной некоторых лживых утверждений в его адрес, которые привели к его смещению с должности и увольнению с работы. Следующие шесть лет он доказывал в суде незаконный характер этих решений; в этот период он занимался частной деятельностью в области металлургии.

В 1890 г. он был восстановлен на работе, но вынужден был расстаться со Старопольским регионом. Решением налоговой инспекции была поручена ему как геологу работа в качестве мастера в пробирной палате в Риге, где он проработал в течение почти двух лет [11, с. 31]. В 1891 г. он был приглашен на работу в качестве главного инженера в Донбассе, но, принимая во внимание различные обстоятельства, особенно общественные, отказался принять это предложение. Затем полу-

чил еще одно предложение – поехать в Баку, где исполнял бы обязанности специалиста в местной пробирной палате; на этом посту он работал до последних дней своей жизни.

В Баку Витольд Згленицкий, кроме своей профессиональной деятельности, проявил способности, а также активность в сфере исследований и организационной деятельности. Он жил там в течение более чем 12 лет. Это был центр мирового производства нефти; в 1901 г. бакинское производство нефти составляло 50 % глобального и 95 % российского производства [12, с. 204–206]. Значительные прибыли привлекли в Баку таких крупных предпринимателей как Альфред, Людвиг и Роберт Нобель, Альфонс Ротшильд, Джеймс Виши. В Баку сталкивались, с одной стороны, современность, большие возможности для проведения экспериментов, с другой – некоторые отмечали, что «и за миллион рублей не согласились бы там жить», так как они воспринимали город как место ссылки для разочарованных и непокорных офицеров, материк обманщиков и изгоев [13].

Когда Витольд Згленицкий работал в пробирной палате, он пользовался репутацией хорошего специалиста: в 1897 г. был назначен надворным советником – подполковником, в 1901 г. – коллежским асессором – полковником [5, с. 23].

Увлечением инженера, которое не было непосредственно связано с работой, стало исследование возникновения природных ресурсов в Каспийском регионе, особенно нефти и природного газа. Он был заинтересован возможностями эксплуатации этих богатств. Он пытался помогать в улучшении технических устройств: на его изобретения для измерения отклонений и кривизны валов обратили внимание представители горного и нефтяного сообщества. Данный прибор являлся очень практичным, так как его использование предотвращает возникновение так называемых диких взрывов и пожаров, которые уничтожали места добычи нефти.

Исследуя присутствие нефти, он заметил, что крупнейшие месторождения существуют недалеко от моря и под его дном, в частности в Биби-Эйбатском заливе недалеко от Баку. Тщательно проанализировав данное явление, он обратился в управление национальных богатств в Баку с просьбой выделить ему два земельных участка в заливе, чтобы провести дальнейшие исследования и начать добычу нефти со дна моря. К данным своих исследований, направленных на адрес горных институтов, он прикрепил два проекта, связанных со строительством нефтяных платформ и добычей нефти [14, 15]. Проекты были оригинальными. Экспертная среда не отрицала идей и технических

планов, но признала их преждевременными, учитывая небольшие возможности существующих тогда методов добычи нефти не на суше. Инженер Згленицкий в течение нескольких лет пытался получить разрешение на добычу нефти со дна моря. В 1901 г. принято решение провести экспериментальную добычу нефти на пространстве 330 га, хотя предполагалось создание искусственной суши – засыпка бухты, которая не была слишком глубокой. Осуществление задачи оказалось важным экономическим и техническим вызовом. Полная реализация проекта состоялась в 1922 г. Важную роль в работе по созданию искусственной суши сыграл Павел Потоцкий (1879–1932) [16, с. 227], который приобрел большую популярность; в соответствии с его последней волей он был похоронен на этой искусственно созданной территории. Всемирное геологическое сообщество признало первенство инженера Витольда Згленицкого в области добычи со дна моря. Его идеи конца XIX в. получили популярность в середине XX в. В Баку был построен так называемый город на море, где имела место добыча огромного объема нефти [17].

Знания инженера Згленицкого о возникновении богатств Земли, в частности нефти и природного газа, проявились в 1900 г., когда бакинские промышленники обратились к экспертам по геологии, чтобы они разработали план участков и добычи нефти на Апшеронском полуострове. Инженер Згленицкий представил проект, в котором определил 165 участков земли и тщательно описал их с точки зрения геологической ценности. Данный проект был опубликован 20 августа 1900 г. на страницах специального журнала «Нефтяное дело» [18]. Исследование было принято горными властями для реализации; оно до сих пор не потеряло актуальности – включает фундаментальную информацию о наличии нефти в каспийском пространстве, особенно на Апшеронском полуострове.

В своем исследовании нефтяных ресурсов Витольд Згленицкий обратил внимание на наличие грязевых вулканов и малых островов в Каспийском море. Он подчеркнул экономический аспект их использования для получения нефти. Он опроверг распространенное мнение, что вулканы якобы уничтожают нефтяные месторождения, и утверждал, что их наличие свидетельствует о наличии богатых ресурсов.

Значительный прорыв появился в инженерно-геологической деятельности инженера в 1901 г., когда он получил согласие на добычу нефти на участке вблизи с. Суруханы. Тогда его мечта о добыче нефти со дна моря стала реальностью. Решение начать добычу являлось также важным финансовым вызовом; Згленицкий вел переговоры по во-

просу сбора средств с несколькими финансистами, чтобы начать использовать свои участки.

Наряду с практической деятельностью, связанной с идентификацией и добычей нефти, Згленицкий много внимания уделял организационной и общественной деятельности, в частности, поддерживал Российское техническое общество, филиал которого находился в Баку. Он являлся его очень активным членом, исполнял различные функции, особенно много времени уделял подготовке экспертных журналов, издаваемых обществом [19]. Он стал известен как покровитель ремесленного и художественного образования, выступал за идею создания ремесленных и художественных школ.

В то время как Згленицкий добился организационно-геологических успехов, он узнал, что в возрасте 51 года неизлечимо болен диабетом. Он пытался не думать о болезни и безгранично погрузился в работу. Весной 1904 г. он начал терять надежду на выздоровление; в этой ситуации он решил записать свой последний завет – завещание. Документ приобрел окончательную форму 3 (16) июля 1904 г. Как в геологической деятельности, так и в своем завещании он шагнул в неизвестное будущее. Он создал смелое видение будущего.

Завет был также свидетельством преданности Згленицкого польскому народу. Уже в первом пункте завещания написал: «Доходы от половины участка, выделенного для меня и Александра Михайловича Бекендорффа, в соответствии с временным законом от 14 мая 1900 года о передаче государственных участков земли без аукциона для поисков и нефти, расположенных недалеко от деревни Сухараны Бакинского уезда, упомянуто в восьмом пункте первого абзаца данных положений, записываю Кассе имени Мянковского в Варшаве, чтобы Касса своих доходов не продавала, но чтобы пользовалась ими навсегда».

Касса имени Мянковского создана 6 октября 1881 г., являлась главным научным учреждением зоны российского раздела Польши [20, 21]. Ее целью было обеспечение финансовой помощи, одноразовой или периодической, кредитование физических лиц, участвующих в научно-исследовательской деятельности, и в целом патронаж развития польской науки и культуры. Касса стремилась получить средства от спонсоров, в том числе часто связанных с Главной школой. Членами комитета кассы являлись известные люди науки, культуры и искусства, в частности, Генрик Сенкевич, который в 1882 г. в письменной форме обращался: «Если отметить, сколько выпускников бывшей Главной школы сегодня занимает серьезные и видные посты в стране, можно удивляться, что учреждение, которое является ее частью, пыта-

ется обеспечить этих выпускников и среди общественности вызывает лишь платонические чувства... Учитывая такое положение дел, лишь немного можно сделать, колеса, смазанные одной лишь надеждой, всегда скрипят. Во время каждой встречи членов комитета я узнаю, что что-то будет уместно сделать. Здесь кто-то написал научную работу и хочет взять взаймы деньги на ее издание. Кто-то еще после окончания университета хочет поехать за границу для получения дополнительного образования, кто-то мечтает о экспедиции внутри страны. Короче, запросов и требований очень много. Комитет рассматривает их, члены обсуждают, загораются красивые мысли, предлагаются проекты, но во время принятия постановления можно услышать могильный голос кассира: «Господа! Будем надеяться, что это может быть сделано, но на данный момент у нас нет денег». Только одна десятая бывших выпускников записалась в качестве членов. «Комитет надеется. Бог видит, что ее у него больше, чем денег. Он полный надежды, как воздушный шар, и может летать до небес; существует только страх, что, если бы поднялся слишком высоко, может легко убиться, падая свысока. Во всяком случае, он легкий потому, что бывшие стипендиаты так тяжелы. Наука, которая ожидала найти в них сыновей, с удивлением замечает, что они относятся к ней как к мачехе» [22, с. 26–27]. На самом деле касса приобрела большое общественное доверие; для нее делались многочисленные пожертвования и наследства. Инженер Витольд Згленицкий идентифицировал себя с поколением Главной школы, хотел поддерживать цивилизационный прогресс, интересовался развитием науки, особенно в сфере научно-технического прогресса. Он поддерживал образовательную и научно-исследовательскую деятельность не только поляков, но и людей во всем мире, жил в Баку и чувствовал привязанность к этому месту, поэтому второй абзац завещания звучал: «Доходы от половины участка земли, переданного лично мне, в соответствии с уже упомянутыми положениями, также расположенного недалеко от деревни Сураханы, что упоминается в девятом пункте первого абзаца этих положений, я передаю Бакинскому отделению Российского технического общества с такой же оговоркой, как в случае Кассы имени Мянковского».

В третьем пункте завещания Згленицкий решил вопросы семейной жизни. В нем написал: «Мой морской участок номер 29 в Биби-Эйбатском заливе доверяю исполнителю завещания, чтобы после моей смерти он продал его за сумму в соответствии с его оценкой, однако при условии, что покупатель обяжется выплачивать не менее пяти процентов от дохода из добываемой нефти. Из количества денег, полу-

ченного за продажу участка, двадцать пять тысяч рублей передаю моему незаконнорожденному сыну Анатолию Виноградову, при условии, что деньги будут переданы в банк, отданы за ипотеку или долговое обязательство по усмотрению исполнителей завещания и переданы моему сыну не ранее чем после достижения им совершеннолетия. Кроме того, Анатолию Виноградову записывается из прибыли участка номер двадцать девять, на тех же условиях, еще очередные двадцать пять тысяч рублей. Проценты от этой суммы пятидесяти тысяч рублей, признанной моему сыну, пока он не достиг совершеннолетия, передать его матери Марии Николаевне Виноградовой на содержание и воспитание сына, с которым должна поехать в Варшаву и воспитывать его там. После достижения совершеннолетия Анатолием Виноградовым и получения им капитала надо списать с дохода участка двадцать девять двадцать пять тысяч рублей с оговоркой, чтобы процентами от этой суммы до смерти пользовалась его мать Мария Николаевна Виноградова, и после ее смерти пусть этот капитал будет передан наследникам моего брата Болеслава Згленицкого. Я прошу моего сына Анатолия, когда он достигнет совершеннолетия, убедить и поручить делать таким образом, чтобы он принял мою фамилию».

Витольд Згленицкий с формальной точки зрения не имел семьи. Однако у него был сын Анатолий (1896–1960), про которого он не общал родным до момента составления завещания. Он поддерживал близкие отношения с семьей матери сына. Он также оставил ей средства, о чем говорит четвертый пункт: «Из капитала, который возникнет после продажи участка номер двадцать девять, и денег, которые мне должен Бекендорфф за отречение от прав на половину участка номер восемь и девять недалеко от деревни Сураханы, а если этого будет недостаточно, тогда из документа участка номер двадцать девять, надо по возможности выплатить: а) на возможные финансовые дефициты в руководимой мной пробирной конторе, на фонд компенсации для специалистов (пробиров) за потерянные предметы, которые иногда пропадали во время передачи, и другие долги; б) моим помощникам Борису Евампиевичу Ушакову и Сергею Владимировичу Биржинскому, каждому по тысяче рублей; в) сторожу пробирной конторы Сейфулле Савелию Айнетдинову – сто рублей и писателю Сильвестру Гуляевичу Нининошвили – пятьдесят рублей; г) братьям Марии Николаевны Виноградовой – Льву Николаевичу и Александру Николаевичу – первому – тысячу рублей, второму – пятьсот рублей; е) Иосифу Давидовичу Кофману – пятьсот рублей».

Какую ценность имели названные суммы денег? В то время месячная зарплата Згленицкого была равна около 200 рублей, в то время как бакинского рабочего нефтеперерабатывающего завода – 17–21 рубль [12, с. 289–291].

Благотворительный подход проявился в пятом пункте: «Дальше, если из доходов участка номер двадцать девять останется капитал после осуществления вышеуказанных задач, надо его передать: а) Бакинскому католическому благотворительному обществу – одноразово пять тысяч рублей; б) на стройку католической церкви в Баку – тридцать тысяч рублей; в) детям моего брата Болеслава Згленицкого – каждому пять тысяч рублей; г) моему крестному сыну Вацлаву Леоновичу Залуске – пять тысяч рублей; д) Марии Андреевне Шиллер – на расширение мастерской тысячу рублей и более того триста рублей в год на воспитание ее дочери Веры до достижения совершеннолетия. Когда Вера Шиллер достигнет совершеннолетия или когда будет выходить замуж, надо выплатить ей один раз три тысячи рублей; е) присяжному адвокату Ленарду Леоновичу Залуске – одну тысячу рублей; ж) Католическому благотворительному обществу города Плоцк – одноразово пять тысяч рублей; з) на создание в городе Баку художественной и ремесленной школы, в которой учиться будут специалисты по обработке изделий из золота и серебра с восточным вкусом, – пятьдесят тысяч рублей, причем надо постараться о получении от города бесплатного земельного участка для стройки здания этой школы. На ее содержание надо выплачивать в каждом году в течение десяти лет пять тысяч рублей. Надо постараться, чтобы город Баку и промышленное отделение в Петербурге присоединились к финансированию школы; и) на построение в городе Плоцк ремесленной школы – пятнадцать тысяч рублей и две тысячи рублей в каждом году в течение десяти лет на ее содержание; й) столько же, насколько это возможно, надо потратить один раз и каждый год на создание и содержание ремесленных и художественных школ в остальных губернаторских городах Польского царства; к) доктору медицинских наук Адаму Касперовичу Плошке надо выплатить одну тысячу рублей». Документ являлся свидетельством привязанности к польским институтам за рубежом, в первую очередь к католической церкви и связанному с ней Католическому благотворительному обществу.

Контакты с семьей он поддерживал, учитывая большое расстояние, время от времени. В 1897 г. умер его брат Панкрацы Болеслав. У него было четверо детей. В 1904 г. им было: Станиславу – 22 года, Марии – 21, Богдану – 15 и Тадеушу – 8 лет. Все они проживали в имении

в Дембе на реке Нарев. Семья Залуска была связана по материнской линии. Леонард Залуска после смерти Панкрацы Болеслава оказывал поддержку семье; у него были двойные семейные связи: он являлся двоюродным братом покойного и родным братом его жены Олимпии Залуска.

В шестом пункте завещания Згленицкий выразил свою волю насчет распределения своей частной собственности: «Все мое движимое имущество, возможные другие капиталы, ценные бумаги и задолженность передаю в полном объеме в распоряжение Марии Николаевне Виноградовой, за исключением библиотеки, которую передаю Бакинскому католическому благотворительному обществу, и коллекции минералов, которые передаю Бакинскому филиалу Российского технического общества; на создание отдельного шкафа с моим именем и создание каталога книг надо Бакинскому благотворительному обществу выплатить пятьсот рублей, и на окончательную организацию коллекции минералов, создание каталога, приобретение шкафов надо выплатить Бакинскому филиалу Российского технического общества одну с половиной тысячу рублей. Коллекции также надо назвать моим именем».

В. Згленицкий оказал исполнителю завещания высокий уровень доверия. В седьмом пункте написал, что «нефтяные участки и другие богатства земли, принадлежащие мне, кроме тех, которые уже были названы, в Баку и других провинциях и движимое имущество, принадлежащее лично мне, я передаю исполнителю завещания, чтобы по своему усмотрению продал их или организовывал горные компании, и сумму от продажи или добычи прибавил к доходу от участка номер двадцать девять для целей, описанных выше в этом завещании».

Широкую известность получил восьмой легат, потому что Витольд Згленицкий указал необходимость создания фонда, имеющего «железный капитал» для целей продвижения и развития науки, культуры и искусства. Это наследие было связано с завещанием, списанным 27 ноября 1895 г. в Париже Альфредом Бернардом Нобелем (1833–1896) [23, 24]. Семья Нобель принадлежала к наиболее богатым людям в Баку. В городе функционировала «Нефтяная компания братьев Нобель», которая являлась сильнейшим хозяйственным субъектом на Каспийском море.

Витольд Згленицкий поддерживал контакты с братьями Нобель, особенно с Альфредом. Их объединяли общие черты характера и общее восприятие окружающей действительности; оба были сторонниками развития цивилизованного мира, который пытались осуществить

культом труда, организации, принятием риска и экспериментом. Деньги рассматривали как средство дальнейшего развития цивилизации; общество относилось к ним с непониманием, насмешками и даже клеветой.

Завещание Альфреда Нобеля получило широкую известность среди общественности мира; были голоса, что капитал, который собрал Нобель, был основан на человеческом страдании, поэтому завещание является специфическим признаком компенсации. Семья Альфреда Нобеля приняла меры по объявлению завещания недействительным. Исполнителям удалось, однако, накопить некоторый капитал и создать в 1900 г. фонд, который должен был ежегодно присуждать международную премию в пяти областях для людей науки, культуры и искусства. В 1903 г. премия была получена полькой Марией Склодовской-Кюри за научные достижения в области физики.

Когда Витольд Згленицкий выбирал исполнителя завещания, вероятно, принял во внимание возможные конфликты интересов семьи и поддержанных учреждений, прежде всего тот факт, что реализация завещания была вопросом будущего. Задачу поручил другу семьи – адвокату из Варшавы Владиславу Смоленскому, который знал его положение в Баку и характер отношений с семьей. Згленицкий написал: «Исполнителем моего завещания назначаю присяжного адвоката Владислава Смоленского сына Станислава». Витольд Згленицкий тщательно подготовился, чтобы создать завещание; прежде чем официально создал его у титулярного советника Юзефа Воевудзкого, в присутствии свидетелей и экспертов по юридическим вопросам составил несколько версий. Через три дня после создания завещания – 6 (19) июля 1904 г. – инженер Витольд Згленицкий умер. Через несколько дней после смерти инженера завещание от титульного адвоката получил исполнитель Владислав Смоленский. 29 сентября (12 октября) 1904 г. завещание было утверждено районным судом в Баку, и 27 января 1905 г. подтвердил его генерал-губернатор Варшавы, потому что оно касалось вопросов польских земель.

Исполнитель довольно скептически воспринял завещание, но приступил к его реализации. 10 (23) января 1905 г. принял меры, чтобы поделить права на нефтяном участке номер восемь; в 1905 г. продал участок номер двадцать девять на сумму 50 тысяч рублей и 5 процентов годового дохода от нефти. В 1906 г. отдал Каспийско-Черноморскому обществу участок земли недалеко от деревни Сураханы, за которую Касса Мянковского получила 3000 рублей, а после начала добычи также эквивалент ценности 1/5 добываемой нефти и 1/6

добываемого природного газа [25, с. 15]. Каким было значение этого наследия для кассы и ее управления, подчеркивается немножко позже, в том числе в данной цитате: «О том, чем для бюджета кассы являлось завещание Згленицкого, может свидетельствовать факт, что в 1907 году общая сумма, выданная на все гранты, составила только 31 644 рубля, в то время как доход из одних только шахт был, например, в 1912 году почти в 15 раз больше. Это были чрезвычайно большие суммы, и комитет не имел возможности их непосредственно тратить; в 1912 году на все гранты было потрачено 84 548 рублей, в 1913 году – 160 671, в 1914 году – 177 939 рублей; средства были трачены, не скупясь денег, учитывая факт, что из года в год оставались значительные запасы денежных средств, надо отметить, что тогдашний научный мир царства Польского не был достаточно сильным, чтобы быть в состоянии превратить такую большую сумму в знания» [26].

В 1910 г. племянники Згленицкого развязали иск против исполнителя завещания Владислава Смоленского, обвинив его в нарушении последней воли: несоблюдение запрета продажи прав на полученные доходы развязало иски против Кассы Мяновского и Каспийско-Черноморского общества, потому что данные учреждения, на их взгляд, поступали вопреки завещанию [27]. Семья в отстаивании своих прав и аргументов обратилась к общественности, в том числе на страницах печатных изданий [28]; появилась даже идея аннулирования всего завещания. Инициированные процессы были прерваны после начала Первой мировой войны. Затем умер исполнитель.

После оглашения завещания началось его осуществление для создания ремесленных и художественных школ. В Баку идея была встречена положительно политическими деятелями и широкой общественностью; препятствием для его реализации стали события революции 1905 г.; в рамках репрессий ограничено развитие образования, не разрешено основание новых школ. На польских землях весной 1913 г. было получено разрешение на использование наследия по созданию профессионально-технических училищ. Подготовка к созданию школ в городах Калиш, Кельце, Люблин, Пётркув, Плоцк, Радом и Седльце; когда намечались проекты строительных площадок и были образованы организационные комитеты и планы строительства, началась Первая мировая война.

После продажи участка номер двадцать девять деньги были потрачены в соответствии с завещанием, т. е. 25 тысяч рублей были выплачены в пользу сына Анатолия на хранение в банк на ул. Меркуревской, 27. Оставшаяся часть была распределена между Католическим

благотворительным обществом, филиалом Российского технического общества и частными лицами, упомянутыми в завещании. Завещание в виде записей об использовании капитала в виде определенных процентов осуществлялось до момента революционных перемен в 1917 г. Ими пользовалась Мария Николаевна Виноградова. Учреждения также выполнили обязательства, налагаемые на них. Католическое благотворительное общество привело книги Витольда Згленицкого в порядок и хранило их в своем главном офисе. Коллекция минералов была получена Российским техническим обществом; это учреждение также приняло идею создания камеры памяти его имени; в 1912 г. был создан бюст Згленицкого, который находился в зале заседаний общества, а потом в 1914 г. был перенесен в большой вестибюль, расположенный в здании.

Мария Николаевна Виноградова, в соответствии с завещанием, дважды встретила с семьей инженера Згленицкого в Дембе на реке Нарев, однако не удалось установить удовлетворительных отношений. Именно поэтому она не поселилась с сыном в Варшаве.

Революционная трансформация, а вместе с ней новый экономический порядок предотвратили реализацию воли Витольда Згленицкого. В новых условиях, возникающих в международных отношениях после обретения Польшей независимости и создания нового государства на руинах Российской империи, появилась возможность принятия чрезвычайных мер по отношению к завещанию Витольда Згленицкого. Российские политические деятели были склонны принять во внимание претензии Кассы имени Мяновского, что было связано с вопросом о восстановлении культурной и научной собственности [29, с. 47–79]. 31 августа 1923 г. польская сторона представила советской стороне условия дипломатического признания Советского Союза, среди которых была проблема осуществления завещания Витольда Згленицкого.

В изданном тогда документе упоминается: «Касса Мяновского в Варшаве (научное и издательское учреждение) благодаря завещанию инженера Витольда Згленицкого, который умер в 1904 году, приобрела право на доходы от нефтяного участка номер восемь... право доходов от подводного участка номер 29. Участок номер восемь правительство отдало Каспийско-Черноморскому обществу в аренду, и оно до октября 1917 года регулярно вносило в кассу должные суммы. Срок аренды истекает 28 января 1936 года. Участок номер 29 был отдан ассоциации «Кавказ» в аренду на неопределенный срок. Ассоциация обязалась выплачивать Кассе имени Мяновского 5 процентов добытой нефти. В 1907 году общество «Кавказ» уступило свои права и обязанности объединению под названием «Бакинское нефтяное общество». До 1915 на

этом участке не добывалась нефть. Во время мирной конференции в Риге господин Иоффе несколько раз официально заверил господина Домбского, что вопрос об активах Кассы имени Мянковского будет решен в свое время положительным образом с удовлетворением всех законных прав. Похожие заявления делали также другие члены российско-украинской делегации. Данный момент кажется наиболее подходящим для выполнения обещания господина Иоффе. Таким образом, польское правительство предлагает следующий проект урегулирования указанных выше вопросов:

1. Прибыль от 1 ноября 1917 года до момента национализации нефтяных участков и не полученные кассой не могут быть возвращены в кассу, так как они являются задолженностью текущего владельца шахты. Эти доходы от ноября 1917 до конца 1919 года имеют стоимость 4 536 017 пудов нефти.

2. Участок номер восемь должен быть передан кассе и стать новой концессией. Альтернативно учреждение или оператор участка может быть обязан предоставить кассе 25 процентов добываемой продукции натурой, или их стоимость в золоте, или оплатить в количестве товаров, соответствующих средней сумме, получаемой кассой в годы 1912–1915.

3. Альтернативно учреждение или оператор участка может быть обязан предоставить Кассе 5 процентов добываемой продукции натурой, или их стоимость в золоте».

Советское правительство ответило на меморандум от 14 декабря 1923 г. дипломатической нотой, которая была передана Казимиру Вышинскому, временному поверенному в делах Республики Польша в Москве [30, с. 1–2]. Она гласит: «Принимая во внимание высказанные правительством Польши пожелания и мнения, касающиеся специальных интересов Кассы имени Мянковского и Варшавского благотворительного общества, Союзное правительство соглашается принять во внимание наиболее преднамеренный вид регулирования требований этих обществ, однако Союзное правительство считает необходимым подчеркнуть, что данное согласие является абсолютно уникальным и не может служить прецедентом для любых других частных претензий, касающихся Закавказской федерации» [31, с. 2].

На практике, однако, претензии кассы не были урегулированы. В ее докладах ежегодно повторяется заявление: «Дело восстановления национализированных кавказских участков, к сожалению, не движется вперед по причине препятствий международного характера» [25, с. 2]. Под термином «препятствия» разумелись проблемы в сфере польско-

советских отношений. В 1930 г. Касса имени Мянковского установила связи с бывшими владельцами имений на Кавказе, стремящимися восстановить имущество, утраченное во время политических перемен в России [25, с. 28]. Данное решение оказало негативное влияние на дальнейшие усилия польской стороны, чтобы восстановить исполнение завещания Витольда Згленицкого. Идея добычи нефти, основоположником которой являлся Витольд Згленицкий, стала близка его племяннику Станиславу, который не согласился с неправильным выполнением завещания и принял решение уехать в Баку, произвольно приобрести некоторые нефтяные участки дяди и добывать из них полезные ископаемые. Для этой цели создал с ксендзом Дионизом Бачковским торговую компанию «Золотое руно», название которой 12 июля 1916 г. было изменено на «Универсальный магазин Згленицкий и партнеры» [32]. Компания какое-то время работала успешно, проводила большие торговые операции в области добычи и торговли нефтью. Большую активность она проявила также после революционных перемен, в первую очередь в период нэпа. Станислав Згленицкий надеялся получить обратно имения дяди. Уговаривал своих родственников (например двоюродного брата Тымотеуша Залуска) поддержать его в этом деле. В феврале 1924 г. он писал ему из Баку: «Дорогой Тымек! Сейчас период перелома в области добычи нефти. Месторождения нефти были возвращены прежним владельцам. Прежние владельцы приступили к ремонту месторождений, которые были недействительны в течение семи лет хаоса. На данный момент у меня есть возможность не только восстановить наши давние месторождения, но также приобрести не один новый участок. Здесь огромные возможности действия, потому что нет предприимчивых людей. Почти все поляки уехали, а татары (азербайджанцы. – А.Х.) неспособны на такую организацию. Дорогой Тымек, предприми усилия, потому что такого момента, как сейчас, уже не будет – это период перелома, когда каждое государство создает отношения, чтобы забронировать для себя как можно больше территорий на будущее. Узнай, пожалуйста, существуют ли ценные бумаги дяди, потому что я в них очень нуждаюсь» [33].

Энтузиазм не продлился долго, так как быстро изменился конституционный порядок, в том числе его экономическое измерение; в новосозданной реальности не было места для частной собственности.

В докладе Кассы имени Мянковского от 1929 г. можно прочитать: «Данное завещание, первоначально такое незаметное, что в комитете были сомнения, окупается ли его принимать... дал кассе огромные доходы, и, если бы не произошло большевистской революции в России,

сегодня позволило бы развернуть деятельность в огромных масштабах. Доход из этого источника в отдельные годы превышал полтора миллиона злотых. Касса имени Мянковского начала щедро поддерживать существующие научно-исследовательские лаборатории, создавать новые, поддерживать научные исследования и публикации. Мы работали в тишине, без огласки, опасаясь привлечь внимание правительства к ресурсам учреждения, в частности, что, вопреки уставу, касса стремилась предлагать материальную помощь польским ученым за пределами Российского государства, особенно в Малопольске...» [12–14].

После Второй мировой войны были предприняты попытки восстановить завещание. 20 октября 1944 г. Тымотеуш Залуска отправил письмо Польскому комитету национального освобождения в Люблине, в котором сообщил о деятельности Витольда Згленицкого и важности его завещания для Польши и поляков; обратился к новым государственным органам принять соответствующие меры по этому вопросу. Проблему подняла Касса имени Мянковского; в 1948–1949 гг. ее пресс-секретарем являлся адвокат Люциан Павловский [27]. Для властей данная проблема явилась славным историческим событием и примером деятельности польских инженеров и их пионерских достижений.

В послевоенной действительности память о инженере хранило Научное общество города Плоцк [6, с. 5–8]. В 1959 г. напомнило о его достижениях в связи с окончательным решением о построении в городе Плоцк большого нефтеперерабатывающего и нефтехимического конгломерата. Тогда городские власти приняли решение о названии одной из улиц в честь Витольда Згленицкого. В 1964 г. по случаю съезда выпускников Малаховянки, школы, которую он посещал, был сделан его портрет, который был помещен в галерею выдающихся выпускников. В 1973 г. совет Научного общества города Плоцк учредил специальную, годовую стипендию имени Витольда Згленицкого для лучшего студента третьего курса химического факультета Варшавского технологического университета – филиала в Плоцке. В 1975 г. был сделан бюст инженера-геолога Витольда Згленицкого, который сейчас расположен у входа в Мазовецкий нефтеперерабатывающий и нефтехимический завод в городе Плоцк; в 1981 г. построено надгробие на кладбище в Воле Келпинской в Мазовше, где он был похоронен в июле 1904 г. в семейной гробнице. Огромное участие в популяризации достижений Витольда Згленицкого имел президент Научного общества города Плоцк доктор Якуб Хойнацки; его заслугой являлось также размещение на страницах «Тетрадей города Плоцк» новой информации о жизни и деятельности инженера. В 1973 г. деятельность ин-

женера популяризировал эксперт по деятельности поляков в мире редактор Рышард Бадовски в своем 30-минутном фильме под названием «Кавказская автобиография»; в 1987 г. попытку сделать фильм о Витольде Згленицком предпринял режисер Владислав Василевский.

В Азербайджане, где отмечены важные области геологической деятельности инженера Витольда Згленицкого, регулярно упоминается о его заслугах, особенно в геологической среде. В 1923 г. авторы напомнили о его заслугах для местной прессы; в 1966 г. был опубликован короткий рассказ известного журналиста и писателя Льва Полонского под названием «Мечтатель из пробирной палаты». Среди геологов и исследователей посвятил ему много внимания доктор инженер Зия Али оглы Бунятадзе. Он был заинтересован исследованиями в области добычи нефти с морского дна и наличия грязевых вулканов на Каспийском море.

Новая глава в истории благотворительности инженера Згленицкого в области науки и общественной жизни открылась в последнее время. В Руми был создан Польский научный фонд имени Витольда Згленицкого. Президент фонда Марек Завадский взял на себя задачу дальнейшей популяризации идей инженера и продолжения его идеи покровительства в сфере науки и образования [34].

Очень активное участие в популяризации этой идеи принимает редактор журнала «Газопроводы» Витольд С. Михаловски [35].

Обобщая с точки зрения 100 лет, прошедших с момента создания завещания инженера Витольда Згленицкого, можно отметить, что:

1. Завещатель был типичным представителем поколения, о котором Болеслав Прус писал: «...в этой эпохе вершину достигло это странное поколение поляков, которое, говоря поэтическим языком, на своих знаменах распечатало фразу: “Знание – сила”... это поколение определяло себя как “позитивистов”, существенным признаком “позитивистского” менталитета не было, как некоторые себе представляют, “предавать страну” и “ненавидеть Бога”, но убеждение, что... будущее мира заключается не в красивых снах, не в патриотических стихотворениях, но в стойкой работе; не в войнах, но в цивилизации» [36].

2. Он был человеком чрезвычайно трудолюбивым и упрямым в преследовании своих целей, всегда руководствовался в этом прогнозными целями.

3. В его жизни и работе он постоянно сталкивался с препятствиями, вызванными человеческой завистью и отсутствием понимания. Его достижения не были и не являются в полной мере понятыми,

они остаются в глубокой тени научно-технической мысли и истории научного, культурного и цивилизационного покровительства.

4. Его завещание было документом интеллектуальной мысли, ориентированной на цивилизационные перемены, вызванные научно-техническим прогрессом, революцию в культурной жизни посредством нефти.

Завещание свидетельствует о взаимосвязи между цивилизацией и политикой; в Баку в конце XIX и начале XX в. столкнулись развитие цивилизации и политическая реальность. Цивилизационный прогресс в важной степени стимулировал политику и в то же время был ею использован. Цивилизационная идея, которая содержалась в завещании инженера Витольда Згленицкого, оказалась в тисках политики, от которой через 100 лет не может освободиться.

Литература

1. Крамарова Е.Н., Черноус В.В. Кавказоведение: роль в процессе реинтеграции, становления российской гражданской идентичности и потенциал бизнеса // Научная мысль Кавказа. 2014. № 3. С. 82–89.

2. Крамарова Е.Н. Мecenатство на Юге России: форма реализации социальной ответственности бизнеса. Ростов н/Д., 2015. 156 с.

3. Chodubski. Testament inżyniera górnika-geologa Witolda Zglénickiego (1850-1904) // Teki Archiwalne, Warszawa-Łódź 1992. T. 22. S. 58–61.

4. Liebfeld. Działalność inżyniera Witolda Zglénickiego w Baku w latach 1890-1904 i jego zapis testamentarny dla Kasy im. Mianowskiego // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1977. № 2. S. 314. Sprawozdania od dwudziestego siódmego do trzydziestego czwartego włącznie za lata 1808-1915, Warszawa 1909-1916.

5. Chojnacki J. O utrwalenie pamięci wybitnego Polaka inżyniera górnika-geologa Witolda Zglénickiego // Notatki Płockie. 1978. № 4/97. S. 23–30.

6. Chodubski. Witold Zglénicki «polski Nobel» 1850–1904. Płock, 1984. Roz. I.

7. Dobrzycki S. Wydział Matematyczno-Fizyczny Szkoły Głównej Warszawskiej (sekcja matematyczna). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971. 198 s.

References

1. Kramarova E.N., Chernous V.V. Kavkazovedenie: rol' v processe reintegracii, stanovleniya rossiyskoy grazhdanskoy identichnosti i potencial biznesa // Nauchnaya mysl' Kavkaza. 2014. № 3. S. 82–89.

2. Kramarova E.N. Mecenatstvo na Yuge Rossii: forma realizacii social'noy otvetstvennosti biznesa. Rostov n/D., 2015. 156 s.

3. Chodubski. Testament inżyniera górnika-geologa Witolda Zglénickiego (1850-1904) // Teki Archiwalne, Warszawa-Łódź 1992. T. 22. S. 58–61.

4. Liebfeld. Działalność inżyniera Witolda Zglénickiego w Baku w latach 1890-1904 i jego zapis testamentarny dla Kasy im. Mianowskiego // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1977. № 2. S. 314. Sprawozdania od dwudziestego siódmego do trzydziestego czwartego włącznie za lata 1808-1915, Warszawa 1909-1916.

5. Chojnacki J. O utrwalenie pamięci wybitnego Polaka inżyniera górnika-geologa Witolda Zglénickiego // Notatki Płockie. 1978. № 4/97. S. 23–30.

6. Chodubski. Witold Zglénicki «polski Nobel» 1850–1904. Płock, 1984. Roz. I.

7. Dobrzycki S. Wydział Matematyczno-Fizyczny Szkoły Głównej Warszawskiej (sekcja matematyczna). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1971. 198 s.

8. *Jaros J.* Polacy w Leningradzkim Instytucie Górniczym // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1972. № 3. S. 505.

9. *Wójcik Z.* O niektórych polskich geologach i gleboznawcach kształcących się bądź pracujących na wyższych uczelniach Rosji // Studia i Materiały z Dziejów Nauki Polskiej. 1976. Seria C. Z. 21. S. 64–67.

10. *Згленицкий В.* Нефтяные источники в Царствие Польском, Neph-Quellen in Polen // Записки Императорского Санкт-Петербургского минералогического общества. 1880. Серия 2. Т. 15. С. 25–30.

11. *Buniatzade Z.A.* Witold Zglenicki a problem wydobywania ropy naftowej z dna morskiego // Notatki Płockie. 1978. № 4/97. S. 31.

12. *История Азербайджана.* Баку, 1960. Т. 2. 464 с.

13. *Szczypiorski.* Bajeczna opowieść o złocie i miłości // Polityka. 1969. № 27. z dn. 5 lica.

14. *Балаев С.Г.* Нефть страны огней, Баку. М., 1969. 157 с.

15. *Buniatadze Z.A.* Witold Zglenicki i problem morskiego wydobywania ropy naftowej w basenie Morza Kaspijskiego // Historia rosyjsko-polskich kontaktów w dziedzinie geologii i geografii. Warszawa, 1972. S. 32–34.

16. *Лисичкин С.М.* Выдающиеся деятели отечественной нефтяной науки и техники. М., 1967. 283 с.

17. *Chodubski.* Paweł Potocki (1879–1932) – pionier eksploatacji ropy naftowej spod dna morskiego // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1988. № 4. S. 981–994.

18. *Згленицкий В.* О местностях на Апшеронском полуострове и вне его пределов, в которых следовало бы образовать участки под разведку нефти, на основании высочайше утвержденных 14 мая 1900 года временных правил // Нефтяное дело. 1900. № 15. 837 с.

19. Труды Бакинского отделения Императорского русского технического общества. М.; Баку, 1904. 884 с.

20. Kasa imienia Mianowskiego Instytut Popierania Nauki. Dzieje, zadania, organizacja 1881–1929. Warszawa, 1929.

21. *Fita S.* Pokolenie Szkoły Głównej. Warszawa, 1980. 262 s.

8. *Jaros J.* Polacy w Leningradzkim Instytucie Górniczym // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1972. № 3. S. 505.

9. *Wójcik Z.* O niektórych polskich geologach i gleboznawcach kształcących się bądź pracujących na wyższych uczelniach Rosji // Studia i Materiały z Dziejów Nauki Polskiej. 1976. Seria C. Z. 21. S. 64–67.

10. *Zglenicki V.* Neftjanye istochniki v Carstvie Pol'skom, Neph-Quellen in Polen // Zapiski Imperatorskiego Sankt-Petersburskogo mineralogicheskogo obshhestva. 1880. Serija 2. T. 15. S. 25–30.

11. *Buniatzade Z.A.* Witold Zglenicki a problem wydobywania ropy naftowej z dna morskiego // Notatki Płockie. 1978. № 4/97. S. 31.

12. *Istorija Azerbajdzhana.* Baku, 1960. T. 2. 464 s.

13. *Szczypiorski.* Bajeczna opowieść o złocie i miłości // Polityka. 1969. № 27, z dn. 5 lica.

14. *Balaev S.G.* Neft' strany ogniej, Baku. M., 1969. 157 s.

15. *Buniatadze Z.A.* Witold Zglenicki i problem morskiego wydobywania ropy naftowej w basenie Morza Kaspijskiego // Historia rosyjsko-polskich kontaktów w dziedzinie geologii i geografii. Warszawa, 1972. S. 32–34.

16. *Lisichkin S.M.* Vydajushhiesja dejateli otechestvennoj neftjanoj nauki i tehniki. M., 1967. 283 s.

17. *Chodubski.* Paweł Potocki (1879–1932) – pionier eksploatacji ropy naftowej spod dna morskiego // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1988. № 4. S. 981–994.

18. *Zglenicki V.* O mestnostjah na Apsheronskom poluostrove i vne ego predelov, v kotoryh sledovalo by obrazovat' uchastki pod razvedku nefti, na osnovanii vysochajshe utverzhdennyh 14 maja 1900 goda vremennyh pravil // Neftjanoe delo. 1900. № 15. 837 s.

19. Trudy Bakinskogo otdelenija Imperatorskogo russkogo tehničeskogo obshhestva. M.; Baku, 1904. 884 s.

20. Kasa imienia Mianowskiego Instytut Popierania Nauki. Dzieje, zadania, organizacja 1881–1929. Warszawa, 1929.

21. *Fita S.* Pokolenie Szkoły Głównej. Warszawa, 1980. 262 s.

22. *Sienkiewicz H.* Dzieła. Warszawa, 1952. T. 53. 173 s.

23. *Friedman R.M.* The Nobel Physics Prize in Perspective. L., 1981. 292 s.

24. *Broniarek Z.* Tajemnice Nagrody Nobla. Warszawa, 1987. 300 s.

25. *Mianowski J.* Sprawozdanie dwudzieste czwarte z działalności Kasy pomocy dla osób pracujących na polu naukowym imienia. Warszawa, 1906. 207 s.

26. *Szweykowski Z.* Zarys historii Kasy im. Mianowskiego // Nauka polska, jej potrzeby, organizacja i rozwój. Warszawa, 1932. T. 15. 135 s.

27. *Piskurewicz J.* O zapisie Witolda Zglenickiego na rzecz Kasy imienia Mianowskiego i dziejach jego realizacji // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1980. Nr 3. 564 s.

28. Kurier Poranny, ze stycznia 1912 r., «Gazeta Poranna Dwa Grosze», z kwietnia 1914.

29. *Rózewicz J.* Polsko-radzieckie stosunki naukowe w latach 1918–1939. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. S. 47–79.

30. Monitor Polski. 1923. Nr 204.

31. Ibidem. 1923. Nr 288.

32. Товарищеский договор и протоколы общих собраний торгового дома «Згленницкий и Ко». Баку, 1917. 15 с.

33. List Stanisława Zglenickiego do Tymoteusza Załuski z dn. 24 lutego 1924 r. (kserokopia w posiadaniu autora).

34. URL: www.nobelpolski.zschie.pl

35. Rurociągi. 2005. Nr. 1–2.

36. *Prus B.* Jakże więc jest naprawdę // Słowo. 1903. Nr. 33–34.

22. *Sienkiewicz H.* Dzieła. Warszawa, 1952. T. 53. 173 s.

23. *Friedman R.M.* The Nobel Physics Prize in Perspective. L., 1981. 292 s.

24. *Broniarek Z.* Tajemnice Nagrody Nobla. Warszawa, 1987. 300 s.

25. *Mianowski J.* Sprawozdanie dwudzieste czwarte z działalności Kasy pomocy dla osób pracujących na polu naukowym imienia. Warszawa, 1906. 207 s.

26. *Szweykowski Z.* Zarys historii Kasy im. Mianowskiego // Nauka polska, jej potrzeby, organizacja i rozwój. Warszawa, 1932. T. 15. 135 s.

27. *Piskurewicz J.* O zapisie Witolda Zglenickiego na rzecz Kasy imienia Mianowskiego i dziejach jego realizacji // Kwartalnik Historii Nauki i Techniki. 1980. Nr 3. 564 s.

28. Kurier Poranny, ze stycznia 1912 r., «Gazeta Poranna Dwa Grosze», z kwietnia 1914.

29. *Rózewicz J.* Polsko-radzieckie stosunki naukowe w latach 1918–1939. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. S. 47–79.

30. Monitor Polski. 1923. Nr 204.

31. Ibidem. 1923. Nr 288.

32. Товарищеский договор и протоколы общих собраний торгового дома «Згленницкий и Ко». Баку, 1917. 15 с.

33. List Stanisława Zglenickiego do Tymoteusza Załuski z dn. 24 lutego 1924 r. (kserokopia w posiadaniu autora).

34. URL: www.nobelpolski.zschie.pl

35. Rurociągi. 2005. Nr. 1–2.

36. *Prus B.* Jakże więc jest naprawdę // Słowo. 1903. Nr. 33–34.